Талантливый театр

К десятилетию
театра
им. К. А. Марджанишвили

Сценическое искусство советской Грузии нашло свое наиболее яркое воплощение в двух крупнейших драматических театрах Тбилиси, основанных замечательным мастером — выдающимся деятелем театра — Котэ Марджанишвили (К. А. Марджановым).

Эти два театра носят имена Шота Руставели и К. Марджанишвили.

Я видел ряд блестящих спектаклей в обоих театрах.

Один из руководителей театра им. Руставели сказал мне: «Мы убеждены, что юбилейный год в театре им. Марджанова пройдет с успехом и поднимет театр еще выше. Сила этого талантливого театра в том, что его актеры всегда пытливо ищут, никогда не успокаиваются, не «тяжелют»».

Это верно сказано.

«Младший» брат — театр им. Марджанишвили ничем не обойден. У театра много талантливых актеров, большое чувство драматизма, острота наблюдения, острота художественного восприятия — достоинства истинного театра.

«Первородство» театра им. Руставели ничуть не мешает театру им. Марджанишвили. Наоборот, молодой театр, пользуясь опытом «старшего», избег многих ошибок, которые в прошлом были присущи театру им. Руставели. Реалистическое чутье не изменяло театру им. Марджанишвили.

Мы не случайно упомянули в дни юбилея театра им. Марджанишвили о театре им. Руставели. Эти два театра — друзья. Их основал один и тот же человек. Их искусственно хотели разединить вредители, буржуазные националисты. Этого не удалось сделать. В Тбилиси я убежден, что, насколько крепка социалистическая дружба между двумя театрами, как интересуются они друг другом, как радуются успехам и печалются неудачами друзей.

Театральные принципы Марджанова: мо-

нументализм спектакля, яркая темпераментность, философская глубина стали девизом обоих театров. Но если руставелевцы стремятся к большей гармоничности спектакля, то марджановцы ищут прежде всего остроты драматической коллизии.

Если руставелевцы достигли огромного искусства театральной детали в сочетании с пластичностью, то марджановцы резкими, яркими мазками, как это можно видеть в «Женитьбе Фигаро» или в «Уриэле Агосте», достигают огромного впечатления.

Если философская глубина у руставелевцев достигается общей, продуманной до конца идеей спектакля, слиянием всех его основных элементов, то у марджановцев она проявляется часто в резком, неожиданном драматическом столкновении, на миг освещающем весь спектакль и дающем зрителю ключ к основной идее пьесы.

Высокое мастерство Тамары Чавчавадзе, Верико Анджапаридзе, Васо Годзиашвили, Шалва Гамбашидзе, Елены Донаури, Акакия Кванталиани и других артистов сделали театр им. Марджанишвили любимцем тбилисской публики.

О спектакле «Из искры» (пьеса Ш. Н. Дадзиани) уже писалось подробно в «Советском искусстве».

Это спектакль большой силы. Он свидетельствует о политической и художественной зрелости театра. В пьесе Дадзиани о борьбе молодого Сталина за создание революционной, большевистской организации в Закавказье театр нашел огромную тему — борьбу народа за свое будущее. Это подлинно народный спектакль,

в котором показан молодой вождь, растущий вместе с рабочим классом, воспитывающий рабочий класс, любимый и поддерживаемый трудящимися массами. Эта художественная целостность в показе молодого, поднимающегося пролетариата и молодого Сталина определила успех спектакля.

Театр углубил характеристики образов рабочих. В массовых сценах каждый живет и общим и своим личным, кровным интересом к революции.

В интимных сценах каждый по-своему переживает горе и радость, но и здесь никогда не теряется перспектива общей картины.

Соединение эпического и лирического элементов, огромное чувство такта, проявленное постановщиком (т. Журали) и актерами, обеспечили успех спектаклю.

Артист В. Годзиашвили создал незабываемый образ молодого Сталина. Высоким вдохновением отмечен этот образ. Сцену «встречи нового года» (важнейшее заседание, на котором была создана Батумская социал-демократическая организация) нельзя забыть. Собравшиеся решили важный вопрос. Они поют. Скоро рассвет. Молодой Сталин пророчески говорит о том времени, «когда солнце всегда будет сверкать».

Огромное впечатление производит сцена встречи Ленина и Сталина на Таммерфорской конференции. Артист З. Гомелаури несколькими штрихами рисует запоминающийся портрет Ленина. Эта встреча — блестящая финальная сцена яркого, исторически и художественно правдивого спектакля.

Замечательно созданы женские образы — Фати Зыковой (Т. Чавчавадзе), Параскевы (С. Такайшвили) и Деспине (Е. Донаури). Острый, гротескный рисунок, созданный Чавчавадзе, реалистический, полный жизни и тепла образ Деспине, созданный Е. Донаури, как бы олицетворяют линии развития театра.

Марджановцы имеют в своем репертуаре не только современные пьесы. Спектакли «Свадьба Фигаро» и «Уриэль Агоста» дают возможность судить о зрелости театра.

Постановщик «Свадьбы Фигаро» В. Кушиташвили внес в постановку много мысли. Он не гнался за внешними эффектами, он стремился к целостному. Однако такие «находки», как появление Керубино, как сцена суда или почная сцена в саду, могут считаться совершенными по режиссерскому замыслу и актерскому исполнению.

Роль Фигаро исполняет Васо Годзиашвили. Выступая во многих ролях, он демонстрирует разносторонность своего артистического таланта.

В спектакле «Из искры» Годзиашвили подкупает монументализмом, скульптурностью, чеканностью игры. В роли Фигаро он удивляет своим исключительным темпераментом и живостью, артистическим блеском. Ряд сцен исполняется им как бы при свете фейерверка. Фигаро — Годзиашвили — умный, даже слишком умный, земной, внешне простой и вместе с тем сложный Фигаро. Живая, острая грузинская речь, верно схваченный темп ее (как и темп всего спектакля) дают Годзиашвили возможность передать именно французский характер комедии.

Актер Акакий Кванталиани, обладающий превосходными комедийными данными, нарисовал необычный, но покоряющий своей искренностью и непосредственностью образ Керубино. Он вносит в комедию так много непосредственной живости, подлинной комедийности, что этот образ запоминается надолго. Застенчивость в сочетании с едва уловимой лукавостью Керубино — Кванталиани контрастирует с чрезмерной бойкостью Фигаро. Вообще контрастность — одно из свойств этого спектакля.

Артистка Такайшвили играет Сюзанну с той же живостью и блеском, с каким Годзиашвили исполняет роль Фигаро.

«Уриэль Агоста», поставленный в свое время самим К. Марджановым, был своего рода программным спектаклем.

В начале сезона театр решил возобновить «Уриэля». И прекрасно сделал. На премьере этого спектакля можно было убедиться, что настоящее искусство долговечно, ему не страшно «испытание временем». Несмотря на то, что театр показал старую постановку почти в «полной сохранности», спектакль прозвучал современно и был восторженно принят публикой.

Марджанов создал глубоко философский спектакль, в котором индивидуальная трагедия поднимается до уровня огромной общечеловеческой темы.

Трагедия «Уриэль Агоста» в сезоне 1938—1939 г. звучит с подмостков театра им. Марджанова, как могучий призыв против мракобесия и изуитства, против национализма, поповского человекопознания и зависти.

Театру можно бросить упрек в том, что он полностью сохранил и недостатки старой постановки (пережитки конструктивизма, чрезмерная условность декораций).

Несомненно, однако, что если бы жил Марджанов, он бы сам отбросил, как рвань, остатки конструктивизма и углубил основное — трагедийную линию спектакля.

Успех «Уриэля Агосты» в первую очередь решает игра Верико Анджапаридзе. Анджапаридзе, как и Тамара Чавчавадзе, артистка большого пафоса, большой мысли. Анджапаридзе в роли Юдифь дала образ не только самодержавной, мужественной, верной девушки, но — что важнее всего — умного человека, не терпящего несправедливости, человека непреклонного, верующего в то, что без правды нет жизни.

Несомненно, что Марджанов именно такой представлял себе Юдифь. А сколько попыток было превратить Юдифь в героиню слезливой мелодрамы... Та внутренняя страсть, та строгость к себе и к людям, которые обнаруживает Юдифь — Анджапаридзе, еще больше усиливают трагедию. Ведь без такой Юдифи нет и Уриэля, появившего в конце концов, что его ученица Юдифь более последовательна, чем он — учитель.

Об Анджапаридзе нельзя сказать: она талантлива. О ней надо сказать: это большая актриса, тонко мыслящая, глубоко проникающая в сущность роли.

Раз мы коснулись трагедийной силы спектакля, хочется сказать, что театр далеко не полностью использует галант выдающейся трагедийной артистки Тамары Чавчавадзе. Почему бы театру не попробовать свои силы в репертуаре Софокла, Шекспира, Шиллера, как в свое время он пробовал свои силы в драме Лопе де Вега?

Мы убеждены в том, что театр с честью справится с новыми задачами. Приведу пример. Роль Уриэля раньше замечательно играл артист У. Чхендзе (он теперь занимается драматургической деятельностью); артист П. Комбахидзе не выявил полностью всех своих возможностей, но и то, что он дал в роли Уриэля, говорит о том, что он имеет все данные для того, чтобы играть трагедийные роли. Артист Ш. Гамбашидзе, создавший в спектакле «Агоста» четкий образ де-Сильвы, обладает той актерской глубиной и основательностью, которые так необходимы в монументальных спектаклях. О других актерах мы уже говорили. Таким образом театр имеет несколько выдающихся артистов, обеспечивающих рост всего театра в целом.

Но как раз проблема ансамбля еще не решена марджановцами.

Недавно работающий в этом театре режиссер В. Кушиташвили, обладающий большой культурой и опытом, и т. Ш. Гамбашидзе (артист и директор театра) должны прежде всего направить свои силы на создание крепкого ансамбля. Ансамбль воспитывают систематическая работа с актером и определенный репертуар.

Ясной театральной программы (репертуар), организованности и систематичности — вот чего еще не хватает молодому и талантливому театру им. Марджанишвили.

Пожелаем ищущим, пытливым актерам и руководителям театра им. Марджанишвили в день десятилетия этого замечательно коллектива больших творческих успехов.

ИОГАНН АЛЬТМАН